

Андрей МАКСИМОВ

ЛЮБОВЬ В РАЮ
(«Кладбищенский ангел»)

Современная притча в 2-х частях

*Светлой памяти
актера Московского театра «Ленком»
Юрия АСТАФЬЕВА - человека, любившего делать подарки,*

посвящается эта пьеса

© А.Максимов

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На старом кладбище стояла одинокая хибарка: есть такие домишки, которые как будто никогда не были молодыми. В хибарке жил человек - могильщик. Имя его мало кто знал, возраст его измерялся чем-то иным, нежели просто прожитые годы, поэтому вовсе не важно, сколько ему было лет.

Мы назовем его ОН. У него - черные руки, черное лицо, черты лица столь резкие, что кажется, будто оно создано для того, чтобы рассекать воздух.

Внутри хибарки не убрано. Немытое окно, явно скрипучие двери: на улицу, в другую комнату, в каморку, еще какие-то обычные вещи обычного, неприбранного, холостяцкого дома.

И только вдоль стен замер аккуратный ряд отдраенных, отмытых, чистых лопат - его коллекция.

ОН (*высовываясь в окно*). Что шумишь, озеро? Зачем, шумишь? Нехорошо это, старина, не вовремя. Вечер, а ты расшалилось... Затихай, затихай... Луна вон какая спокойная, и ты давай - затихай. (*Начинает меланхолично протирать окно*). Может, ты мне, озеро, объяснишь, как же так: вот понимаю: утро - время полета и песен; день - тоже понимаю - время, когда крылья постепенно складываются, петь уже не хочется, может, и откроешь рот, но не песня вырывается - может, стон, может, смех, но только не песня... Вечер - тоже понимаю: время сложенных крыльев, время раздумий. Утро. День. Вечер. Раз. Два. Три. Красиво, ровно. Четвертое-то зачем: весь этот мрак, именуемый ночью? Не понимаю. (*Подходит к двери в другую комнату*). Спит еще. Что ж это, девушка, ночь твоя неясная так затянулась. И вороны тут еще обиделись. Улетели. Тихо без них стало, скучно. (*Протирает свою коллекцию лопат*). Только вы у меня и остались: вы, земля, и больше ничего. Что мы без земли? А что земля без нас? Вынь из земли всех умерших - на чем держаться будет?.. (*Берет одну лопату, обращаясь к ней*). Ну, здравствуй, брат. Как я живу? Хорошо живу. Прекрасно. (*Кричит*). Прекрасно, слышишь, брат, все прекрасно. (*Ставит лопату на место, берет другую, поглаживает ее, говорит, обращаясь к лопате*). С тех пор, как ты ушла, я никого больше не брал на руки. Представляешь, я стал мужчиной, которому некого взять на руки. (*Аккуратно ставит на место, берет другую*). А вот этой лопатой зарюют меня. Хорошая лопата, острая. (*Ставит на место, подходит к двери в другую комнату, прислушивается*). Спит. Ну, ничего - скоро проснется. Они решили, что у тебя ночь наступила. Дураки! У тебя ж только день разгорается.

Засыпает хибарка. Но звуки живут. Кто-то скребется за стеной. Где-то капает вода. Только звуки, шорохи живут в заснувшем доме.

Он подходит к двери в соседнюю комнату, поглаживает ее.

При чем тут она, девушка эта? Поест, отдохнет, в озере искупается и пойдет к своему парню. Не зря ж он приходит все время, ждет, дурачок, когда она проснется.

Из соседней комнаты раздается истошный женский крик.

И снова - тишина. Шорохи, скрипы.

Кричать во сне стала. Хорошо. Значит, просыпается. (*Берет лопату, обращаясь к ней*). Видишь, как все получается, старушка? Только мы с тобой и знали, что девушка эта не умерла, а уснула. Спасибо, что помогла мне вырыть ее. Как думаешь, не зря мы с тобой поработали?

Голос за окном: «Эй, могильщик! Работа есть! Давай быстрее, тебя ждут!»

Повивальную бабку разве торопят? (*В сторону комнаты*). Пойду я. Кому встречать, а кому и провожать - еще неизвестно, что нужнее. А ты - просыпайся, просыпайся, просыпайся.

И снова опустел дом. Тишина накрыла его. Только - шорохи, да шум волн за окном.

В соседней комнате кто-то зашевелился, что-то упало, раздался тяжелый вздох.

Дверь открылась, разумеется, со скрипом - вышла женщина. Упал на землю дождь шуршащих искусственных цветов. И поскольку в нашей истории уже появился Он, нам ничего не остается, как назвать Женщину - ОНА.

Она в красивом, но очень помятом, несвежем платье, в красивых, но сильно запыленных туфлях. На голове - через подбородок - повязана косынка. Ступает неуверенно, робко. Периодически подергивает плечами, шеей - видно, что они у нее сильно затекли. Снимает платок, отбрасывает его в сторону. И тут же съеживается от страха. Оглядывается по сторонам - никого.

Появляется ОН.

ОН. Проснулась?

ОНА. А вы- кто?

ОН. Я здесь живу.

ОНА. Ага... Понятно... Значит, вы - ангел? Ангел, скажите - ангел? А это - обычные лопаты? Хотя зачем вам здесь - лопаты? Может быть, это ваши крылья? Послушайте, а может быть, вы пока не решили, куда меня направить?

ОН. Может быть... Ты что, действительно, решила, что это - рай?

ОНА. Конечно... А как же... А куда же меня еще? (*Неуверенно*). Рай. Разумеется, рай... Птицы вот... Не поют... (*Заметив яблоки на столе*). Яблоки бывают где? В раю. Райские бывают яблоки. На земле таких нет. И потом: ад у меня уже был, не может же случиться повторения? (*Неожиданно агрессивно*). И вообще, знаете, что я вам скажу: если за такие грехи, как у меня, вы перестанете сюда пускать - у вас скоро тут вовсе никого не останется. Пустыня будет вместо рая.

ОН. Я как чувствовал, что ты сегодня проснешься - хлеба вот взял побольше.

ОНА. Где это взяли?

ОН. Где всегда... Здесь привозят. Фургоны приезжают, привозят.

ОНА (неуверенно). Вы ведь - ангел? Ангел? А разве ангелы едят хлеб?

ОН. Хлеб все едят. Даже ангелы. Иногда.

ОНА. Здесь все совсем, как на земле. Только краски - спокойнее. И вообще - спокойно так. Воздух какой-то особенный, чистый абсолютно.

ОН. Это от озера воздух.

ОНА. Мне бы зеркало...

ОН. В каморке стоит ведро с водой, ты в нем можешь прекрасно отразиться.

Она стоит, не двигаясь.

Не нравится? Ну извини - другого зеркала для тебя у меня нет.

ОНА. К вам, наверное, все такие помятые попадают? Дорога уж больно длинная.

ОН. Не столько длинная, сколько - долгая. Пойду яичницу приготовлю. Или, может, ты любишь вкрутую или всмятку?

ОНА. Я люблю гоголь-моголь. Мне его мама готовила.

Он смотрит на нее некоторое время - явно хочет что-то сказать.

Молча уходит в каморку.

(Подходит к окну, пальцем стирает пыль). Какое озеро у вас красивое! На земле таких нет.

ОН (из каморки). Своенравное только очень. Бывает, к вечеру так разойдется - еле успокаиваю.

Она испуганно смотрит в его сторону.

Сейчас, правда, послушней стало, но когда помоложе было - еле с ним управлялся.

*Она отходит от окна, робко садится на край скамейки.
Тишина. Только шум озера, да удары ложки о стакан - взбивается гоголь-моголь.*

ОНА. Можно спросить?

ОН. Уже спросила.

ОНА. А вы будете со мной разговаривать? Ну просто так... Если, конечно, позволят остаться...*(Ждет, что Он ответит)*

Он молчит.

Знаете, когда я умирала - лежала, глядя в потолок и думала все время, как дура: что ж меня впереди ожидает? Не может же быть, чтобы только пустота? Думала, я думала и поняла, что такое райская жизнь... Райская жизнь - это когда с тобой разговаривают.

Он входит со стаканом и куском хлеба.

Спасибо. *(Ест)*. Когда я ем здесь, мне кажется, в меня входит вечность.

ОН. Ты о лишнем-то не думай. *(Подходит к окну)*. Вечереет уже. Дни почему-то стали так быстро проносятся, когда моложе был, такого, вроде, не было... *(Высунувшись в окно)*. Ну что, старина, успокоилось? Вот и молодец.

ОНА. Озеро слышит вас?

ОН. Слышать-то слышит, слушается не всегда. Вот с кем особенно трудно - так это с воронами. Как разговоятся - не успокоить.

ОНА. Удивительно, но вы слышите то, что простому человеку не услышать. Разве здесь живут вороны?

ОН. А где жим еще жить? Правда, сейчас они улетели?

ОНА. Здесь живут перелетные вороны?

ОН. Да обиделись они на меня... Наорал тут на них сгоряча, а они обиделись и улетели. Чего глядишь на меня? Ты ешь, ешь...

ОНА. Ваша земля похожа на земную: от нее силы прибавляются. А вы здесь один живете?

ОН. Да.

ОНА. Неужели вам нравится жить одному? Я бы не смогла...

Этот вопрос почему-то странным образом подействовал на Него. Он встал, зашагал по комнате...

Я вас обидела?

ОН. Нет, нет - не то... видишь ли, в чем дело... У меня есть одно открытие, я тебе когда-нибудь расскажу о нем. Пожалуй, надо будет непременно рассказать прежде, чем ты уйдешь.

ОНА. Разве отсюда уходят?

ОН. Отсюда все уходят... Ну что, поела? Ладно. У нас хоть и рай, но посуду надо мыть - ничего не поделаешь.

ОНА. А я очень хорошо умею мыть посуду.

ОН. Вымой.

Она берет грязный стакан, уходит в каморку.

(Подходит к окну, говорит, обращаясь к озеру). Что, старина, не одобряешь? Ну не выгонять же мне ее? Подумай: как я могу взять ее и выгнать?

ОНА (*выходит из каморки, становится рядом с ним*). Вы говорите с озером?

ОН (*ухмыльнувшись*). Пользуясь случаем - пока спокойное. А то оно иногда вспоминает, что младший брат моря, кровь солена закипает, тогда не договоришься... А сейчас, видишь оно какое: дрожит, как желе на тарелке, и непонятно, где небо начинается, а где кончается вода.

ОНА. На земле такого не увидишь.

ОН. Нет ничего такого, чего нельзя увидеть на земле.

ОНА. Здесь небо голубое, как в детстве. И вообще, у вас, как в детстве: тепло и спокойно.

ОН. Небо сереет снизу. На озере закат всегда начинается не сверху, а снизу.

ОНА. Я, когда маленькая была, ужасно боялась закатов, а выросла и стала бояться рассветов, потому что с них начинался новый день. Неужели я и вправду воскресла?

ОН. Лодки у меня нет. Жалко.

ОНА. Можно я искупаюсь? Или в святом озере купаться нельзя?

ОН. Ты можешь поступать так, как хочется.

ОНА. А я не умею так, как хочется.

ОН. Ну-ка, марш купаться!

Она уходит. В окне виден ее огромный силуэт - тень женщины заполняет комнату.

Он тоже попадает в эту тень, и кажется: весь дом, все несуразные предметы его оказались внутри тени.

ОНА (*из окна*). Это, действительно, необыкновенное озеро!

ОН. Она меня совсем не стесняется! Ну, конечно - ангелов не стесняются! (*Мечется по комнате, подбегает к своей коллекции лопат*). Что вы так на меня смотрите? Знаете, что я вам скажу, лопаты? В жизни каждого человека бывает утро - молодость, время, когда дым сгоревших надежд еще не разъедает душу. День - зрелость - время, когда ноги еще мечтают о новых

дорогах, но душа уже просит отдыха. Вечер - старость - время, когда никак не можешь понять: чего же ты боишься больше: то ли земного одиночества, то ли вечного мрака впереди... Так вот я вас спрашиваю, лопаты: когда наступает время любви, когда? Вы не знаете?! Конечно! Откуда вам знать? А мне это известно: возраст любви наступает, когда человек готов эту любовь принять. Люди называют любовь - счастьем. Идиоты! Любовь - груз, который мы взваливаем на свою душу. Взваливаем на свою душу. А моя душа устала. Ей этот груз не поднять. (*Обессиленный, садится на скамью*).

Появляется ОНА - волосы мокрые, капли воды - на лице, на руках.

ОНА (*поет песню*).

Тимоти-Тим имел десять пальчиков,
Имел десять пальчиков Тимоти-Тим.
Шли они с ним, как послушные мальчики,
Как послушные мальчики шли они с ним.

Подходит к Нему, теребит волосы, оттопыривает Ему уши и сама улыбается тому, какой он получается смешной. Играет с ним, как с игрушкой, продолжая петь).

У Тимоти-Тима было два глаза,
Обоими сразу подглядывал Тим.
Когда он смеялся, смеялись два глаза,
Когда он плакал - то плакали с ним.

Одна голова у Тимоти-Тима,
Она и мечтала и думала с ним.
Когда он ложился, она засыпала.
Спи сладко, головка, спи, Тимоти-Тим*

Одновременно и Ему и Ей стало странно и неловко, но, главное, им обоим стало тепло - как, впрочем, и бывает в подобных случаях.

Я кажусь себе такой чистой, будто только что появилась на свет.

ОН (*растерянно*). Глупо как все... Живу тут, понимаешь, один совсем. Но даже кактус раз в тысячу лет расцветает.

Она смеется.

Ты что?

ОНА. Смешно сказали... Вдруг что-то живое... А то все... А!.. А тут - живое.

Такая реакция Ему явно не понравилась. Он встал, зашагал по комнате, будто сбросив с себя что-то лишнее, ненужное.

* Английская народная песня. (*пер. В. Левика*)
© А.Максимов

ОН. Так, все. Тебя ждут... Этот парень... Я, понимаешь, забылся - себя забыл... Он ходит тут все время, ждет. Он тоже не поверил, что ты умерла, и... ходит тут все время... Пойду позову его.

ОНА. Постой. В той жизни я мечтала быть актрисой. Мне казалось, если тебя слушают сто, двести, триста, тысяча человек - это и есть счастье. Потом я поняла: счастье - это когда тебя слушает кто-то один, и понимает. Как вы сейчас. Я все перепробовала. Я даже пыталась быть добропорядочной женой. У нас только добропорядочные жены. И мужья. Других нет. И своего мужа я застучала в постели с женщиной. Оба были очень добропорядочные.

ОН. Послушай, пожалуйста, что я тебе скажу. Только слушай внимательно, потому что это очень-очень важно. Ты веришь мне?

ОНА. А кому ж еще верить?

ОН. Так. Понятно. Хорошо. Слушай и не перебивай. Все дело в том, что ты не умерла - ты уснула. Так случается, когда один человек не хочет жить, а второй очень не хочет его смерти. У тебя ведь так было?

Она удивленно смотрит на него.

Ну так вот. Когда один человек не хочет жить, а второй очень не хочет, чтобы он умирал, любовь и смерть сталкиваются. Конечно, любовь побеждает - иначе и быть не может, иначе, какие же мы все люди? - но смерть ранит - иначе, какая ж она смерть? - и ранит сильно. Сон - это рана, которую наносит смерть. Твоя рана была столь глубока, сон столь сильный - что тебя похоронили. Но я-то могу отличить смерть от смертельной раны? И вот ты здесь, в моем доме. Впереди у тебя - жизнь. Слышишь меня, жизнь!

Она смотрит на него в ужасе: вот-вот заплачет.

Посмотри на мои черные руки - разве ж я похож на ангела? Неужели все это похоже на рай? Эта развалюха если на что и способна, то лишь на то, чтобы укрывать от дождя - да и то не от сильного. Ты ела самый обыкновенный гоголь-моголь. А вот этот хлеб сеяли на земле, понимаешь? На этой вот грязной земле? Ты понимаешь, что я говорю?

ОНА (обречено). Понимаю.

ОН. Вот и хорошо. И отлично. И слава Богу. Ты можешь поесть, поспать, короче говоря - отдохнуть. А потом ты уйдешь отсюда. И ты будешь счастлива. Ты непременно будешь счастлива. Непременно. Тебя ведь ждут... Родители?

Она отрицательно кивает головой.

Друзья.

Она отрицательно кивает головой.

Жених! Жених же тебя ждет!

Она закрывает голову руками, из последних сил сдерживая слезы.

ОНА. А ты знаешь, от чего я умерла? Я...

ОН(перебивает). Повторяю тебе: это самая обычная земля! Ты живая, живая ты!

ОНА. Живая?

ОН. От того места, где мы сейчас с тобой находимся, до твоего дома хода едва ли час...

ОНА. В той жизни главным моим занятием было играть и улыбаться... О как я гениально улыбалась! Если собрать все мои улыбки и вытянуть в одну линию, то ею можно будет опоясать весь земной жар... Но вот однажды... Такое всегда бывает вдруг... Приходит понимание чего-то главного... Сразу приходит. Мгновенно. Мне не спалось. Я встала, перешагнула через какие-то тела, которые валялись на полу... Да, еще кто-то протянул ко мне руку, я ударила его ногой - сильно ударила, даже нога заныла... Я подошла к окну. В коне было небо. Только небо - и все. Небо было черным. И еще - звезды. Звезды без эпитета, понимаете? Просто звезды. Небо, звезды, я стою у окна. В это время в комнате кого-то стало рвать - небось, того самого кретина, которого я ударила. Мой мужик спал на кровати и отвратительно храпел. И тогда мне стало страшно. Да-да, в тот самый миг, неожиданно стало очень страшно. Очень. Представьте: небо, звезды, блевотина, храп... И я вдруг поняла: нет на земле такого места, где я могу быть такой, какой хочу. Все время я меняю маски, как платья - к каждому случаю новая.

ОН(иронично). Именно в эту самую минуту ты и поняла, что жить незачем?

ОНА (с усмешкой). Ага, так прямо и поняла... Пошла себе в другую комнату - в этой очень воняло, - легла спать, проснулась рядом с какой-то девочкой, удивленно сказала ей: «Привет!», надела улыбку, включила смех, и - вперед! Все пошло, как было. Только во мне рос страх. Я не знаю, чего именно я боялась, но знаю точно: никогда нельзя отдавать свое сердце никому, потому что, когда сердце тебе не принадлежит - его рано или поздно обязательно швырнут и растопчут. А это очень больно.

ОН(после паузы). Это больно. Я знаю.

ОНА(не обращая на его слова внимания). А потом появился он... Не то, чтобы какой-то особенный, а просто - другой, непохожий, понимаете? А может, я придумала, что он - непохожий, не важно...

ОН. Не важно.

ОНА. Не важно. Просто я решила: вот он войдет, а я скажу ему самые великие слова, я скажу ему: «Я тебя люблю!» Но скажу не так, как героиня какой-нибудь вшивенькой пьесы, и не так, как говорила, походя, сотни раз.

Но так скажу, как могу только я. Не получилось. А зачем жить человеку, который не может сказать: «Я тебя люблю»? Зачем жить, если полюбить не можешь? А если жить незачем - жизнь уходит. Правильно?

ОН. Не правильно.

ОНА. Вот и я говорю: правильно. Ужасно вспоминать про свою смерть, особенно, если не вскрываешь себе вены, не бросаешься с высокого утеса, не пьешь отравленного вина, а просто начинаешь умирать от того, что не хочется жить...

Повисла та самая пауза, когда люди понимают, что надо что-то сказать, но бояться спугнуть то, что может возникнуть только в паузе.

ОН. Однажды я ушел из той жизни... Мой кладбищенский воздух живительней, чем тот, которым дышите вы. *(Обнимая ее)*. Ты говорила про страх... Мне это очень понятно.

ОНА. Не гоните меня. Пожалуйста - не гоните. Я не хочу туда возвращаться... Мы будем жить с тобой, мой ангел. Мы будем жить так, как нам хочется...

Как это всегда бывает, новый герой появляется в самый неподходящий момент. Вот он и возник на пороге хижины - весьма молодой и весьма модно одетый мужчина. И поскольку в нашей истории уже есть Он и Она, нам ничего не остается, как назвать его - ТРЕТИЙ.

ТРЕТИЙ. Господи, какое счастье, что ты жива! Я думал... чувствовал... нет, я знал: ты жива!

ОНА *(делает шаг ему навстречу, но тут же останавливается в нерешительности)*. Почему ты здесь? Ты что - тоже?..

ОН *(Третьему)*. Летаргический сон плохо повлиял на нее. Она считает, что попала в рай, поскольку вы - здесь, то вы для нее - на Том свете.

ТРЕТИЙ. Не думаю, что ты серьезно во все это веришь - прикидываешься, небось, как всегда. Каждому ребенку известно: свет у нас один. Один такой сплошной свет.

ОН. Ну вот, все правильно. Теперь вы можете идти... Впрочем, нет, пойдут я - я люблю прогуляться перед сном.

ОНА. Остайся, прошу вас. Я боюсь этого человека.

ТРЕТИЙ. Оставайтесь, вы нам не мешаете. *(Ей)*. Послушай, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы думать, будто ты серьезно веришь во все это. Опомнись! Какой это, к черту, рай! *(Показывает на Него)*. Вот это - ангел?

Да этот человек, если хочешь знать, зарыл столько трупов, сколько твои глаза не видели за всю свою жизнь!

ОНА. Откуда ты знаешь, может быть, ангелы работают могильщиками?

ОН. Между прочим, молодой человек, нет ничего позорного в том, чтобы зарывать умерших. Наша профессия сродни акушерской: те отправляют человека в один мир, мы - в другой.

ТРЕТИЙ. Прелести вашей профессии мы обсудим как-нибудь позже, если можно. Я не о том... Своими глупостями вы совсем сбили меня с мысли... Да! (Ей). Тебя похоронили живую. Я говорил им, что ты - живая, но мне никто не верил. А я верил. Верил, понимаешь ты?! И когда уже глупо было верить, и не во что было верить - верил все равно. У меня, чтоб тебе было известно, ни одной бабы не было с тех пор, как ты умерла. (Показывает на Него). Этот человек святой профессии не даст соврать: я прихожу сюда почти ежедневно.

ОНА. Ты просто играл, как и все мы. Ты играл роль верного любовника.

ТРЕТИЙ. Что ты несешь? Если бы я играл - откуда у меня уверенность, что ты жива? Слушай, любимая, это романтически-невероятное приключение закончилось. Впереди - жизнь. Пойдем отсюда. Старик, объясни ей: если бы не моя любовь, ее бы уже доедали дождевые черви. Ты должна понять: все, что с тобой происходит сейчас, происходит только, благодаря моей любви. Если бы не я - у тебя не было бы жизни.

ОНА (не слушая его, думая о своем). У меня и не было.

ТРЕТИЙ. Бог Ты Мой, какие красивые слова! Все. Хватит. Ты пойдешь - со мной, и ты будешь счастлива - со мной, и другого выхода у тебя нет. Нет повода для грусти! Ты, можно сказать, второй раз родилась, благодаря мне. Представляешь, какая прекрасная жизнь у нас с тобой начнется!

ОНА (печально). Представляю.

ТРЕТИЙ. Все. Слишком много разговоров. Скажи: «Я тебя люблю и пойдем отсюда».

ОНА (пытается сказать - не может; и вдруг кричит). Я не умею говорить эти слова!

ТРЕТИЙ. Ненавижу, когда ты играешь мелодраму! Да и получается у тебя плохо...

ОНА. Извини... Неужели ты и вправду любил меня? Наверное, любил меня, как вещь, как рубашку... ну, я не знаю... как ботинок...

ТРЕТИЙ. Я тебя умоляю: все эти разговоры оставь для сцены.

ОН. Мой дом не привык слышать столько шума... *(Ей)*. Уходи с ним. Он тебя, действительно, спас, и, действительно, ждал.

ТРЕТИЙ. Вот это, старик, правильно - правильные, мудрые слова.

ОНА. И что? Опять все сначала? Бесконечная игра, бесконечные лица, моя улыбка - без конца... Если бы могла, я бы оторвала улыбку от своей морды и задушила бы ею всех, кому улыбалась.

ТРЕТИЙ. Ну я не знаю, а мне нравится твоя улыбка, особенно, когда ты злишься.

ОНА *(не обращая на слова Третьего никакого внимания; Ему)*. Ты говорил: это не рай? Хорошо. Пусть так. Он вот тоже не верит. Но то, что там, за дверью - ад я знаю совершенно точно. *(Третьему)*. И я с тобой в этот ад не пойду.

ОН. Понятно. Не отбесилась еще. Что ж, будем ждать.

ОНА. Зачем?

ТРЕТИЙ. Не зачем, а почему... Просто потому, что я люблю тебя. Может быть, придуманной улыбкой. Как вещь, как рубашку, даже, как ботинок, если тебе так нравится... Как сказку, как женщину... Если уж смерть нас не разлучила - жизнь, тем более, не разлучит.

ОНА. Интересно, что ты будешь делать, чтобы я к тебе вернулась?

ТРЕТИЙ. То, что умею - я буду ждать.

ОНА. Ну почему же я должна уходить от человека, которого люблю?

ТРЕТИЙ. Прости, ты сейчас кого имеешь в виду?

ОНА*(показывает на Него)*. Вот человек, который меня на самом деле спас. Чего стоила бы вся твоя любовь, если бы не он? Он вырвет меня из той адской жизни и сделает настоящей. *(К Нему, патетически)*. Я люблю вас! *(Шепотом, тихо)*. Я люблю тебя...*(Спокойно, буднично)*. Я вас люблю... Не получается...

ТРЕТИЙ. Вообще, когда ты играешь - у тебя плохо получается. Ты попробуй не играть...

ОНА. Попробую. Я обязательно научусь. *(Подходит к Нему, обнимает)*. Я буду делать все, что вы скажите. Мне все равно рай это или кладбище... Кто знает разницу?

ТРЕТИЙ. Господи, какие красивые слова! Неужели ты не понимаешь: все, что у тебя есть, и даже все, что у тебя будет, - все это благодаря моей любви.

ОНА (*Третьему*). Уходи. Уходи, пожалуйста.

ТРЕТИЙ. Да, да, да... Все понял, встал и ушел... (*Смеется - сначала тихо, потом все громче*). Будем считать, что я оставил тебя на излечение. Когда приемные дни в этой больнице?

ОНА. Их нет.

ТРЕТИЙ (*продолжая смеяться*). А когда выпишут больную?

ОНА. Никогда.

Третий вдруг резко обрывает смех; говорит серьезно, строго, словно учитель - ученику.

ТРЕТИЙ. Запомни: я умею ждать. В этом виде спорта я - чемпион. Но чем больше мое ожидание - тем больше твоя вина. Я все равно прощу тебя, и я тебя дождусь. Мне некуда от тебя деться. (*Уходит*).

ОН (*обнимая Ее*). Как мне будет не хватать тебя, когда ты уйдешь...

Затемнение

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На старом кладбище стояла одинокая хибарка: есть такие домишки, которые как будто никогда не были молодыми.

В хибарке почти ничего не изменилось - разве что исчезла пыль, стало как-то поаккуратней да еще появилось зеркало, - теперь здесь живут два человека: Он и Она.

ОНА прибирает комнату: ставит лопаты в другом порядке, пишет на зеркале «РАЙ», потом стирает эту «пыльную надпись», раскладывает на столе яблоки «по росту».

ОНА. Рай - не рай: какая разница? Как решим - так и будет. Повесим табличку, красивыми буквами напишем: «РАЙ» и станем верить, даже молиться начнем. В этом, собственно, и будет состоять вся наша жизнь. *(Лопатам).* Эй, лопаты, куда ж ваш приятель подевался? Что у нас тут: чума, холера, завал трупов? Опустил ящик, кинул землю, и, - готово... *(Снимает зеркало со стены, ходит с ним, размышляя куда бы повесить...)* «Осень медленно расправит рыжее крыло, снова снега налетают, нам опять не повезло...» Это что, я сама придумала? Странно... *(Вешает зеркало на новое место; к зеркалу).* Слышь, зеркало... Тупое ты - мертвое... *(Отходит от зеркала).* Осень медленно расправит рыжее крыло... Рыжее... *(Высовываясь в окно).* Послушай, озеро, как думаешь: какого цвета крылья у осени? А? Никто мне здесь не отвечает.

Появляется ОН, но Она Его не замечает.

(Озеру). Все шумишь, шелестишь, а внятно и не скажешь ничего. Знаешь, что я тебе скажу, если честно: ты - Озеро - похоже на лужу: в луже вон тоже сколько людей отразилось, а она как была лужей - так лужей и осталась... *(Отходит от окна).* Вот, что надо сделать - надо вязать научиться. Свитер бы ему связала, а то зимой холодно на кладбище...

Он выдал себя неосторожным движением.

(Ему; довольно резко). Спасибо - пришел. Нет, я все понимаю, только вот объясни мне: сколько времени можно зарывать труп в землю? Сколько на это нужно часов? А может - лет? Столетий? *(Идет к Нему, протянув руки).* Я так скучала без тебя, мой ангел...

Он не взял протянутых рук, и пошел наводить в хибарке свой порядок, и пока все вещи не положил, как были, - не успокоился.

Снял со стены зеркало, понес выбрасывать...

ОНА. Что ты делаешь? Ты же разрешил...

ОН. Объясни мне, почему вам там нужно видеть себя? Что вы такого в себе нашли, необходимого?

Она не ответила - отошла.

Он подумал и повесил зеркало. На прежнее место.

(в окно). Привет, старина! Как ты сегодня? Спокойно все? Устало, наверное... Да ты отдыхай, отдыхай - луна нынче смиренная.

ОНА. Ты и вправду думаешь, будто озеро слышит тебя?

ОН. А разве, когда меня нет дома, ты с ним не разговариваешь?

ОНА. Ты откуда знаешь?

ОН(не обращая внимания на вопрос). Разве не бывает так, что оно даже злит тебя, раздражает?

ОНА. Ты подслушиваешь? Ничего себе ангел... Просто стоишь под дверью и подслушиваешь...

ОН. Пойду еду приготовлю. *(Подходит к каморке, вдруг оборачивается)*. Почему ты боишься быть такой, какая ты есть? Разговариваешь с озером, но боишься признаться в том, что оно тебя слышит?

ОНА. Откуда ж ты можешь знать, какая я есть? Потрясающе... Я по привычке верю, что ты - ангел, а ты, оказывается, в это время стоишь под дверью и подслушиваешь.

ОН. Хочешь разозлить меня или сама разозлиться? Зачем тебе это? Ты же знаешь: я тебя не держу...

ОНА. Хорошо хоть не отпираешься... *(Несколько игриво)*. Итак, я уйду. И кого, интересно, ты будешь вспоминать? Ты ведь даже имени моего не знаешь...

ОН. А зачем? Чтобы вспоминать человека вовсе не обязательно знать его имя... Имя необходимо людям - их слишком много, без имен они просто запутаются. Придумали себе клички, надеясь, что это отличит их друг от друга... А нас с тобой - только двое.

ОНА. И ты гонишь меня в это королевство имен?... Я быстро поняла, что здесь - не рай, только верить не хотелось, и сейчас не хочется. Но то, что там - ад, я знаю совершенно точно.

ОН *(уходя в каморку)*. Сегодня будем есть яйца вкрутую? В мешочке? Яичницу, а может гоголь-моголь?

ОНА. Мне все равно... Знаешь, что я подумала? Давай лопаты продадим. Согласись: странная коллекция. В этом есть даже какой-то вызов. Непонятно только кому... Ведь тебе для работы вполне хватило бы одной. А на вырученные деньги можно было бы купить лодку и по вечерами плавать на ней по озеру. Представь: закат какой-нибудь очень красивый. Ты - на веслах, я - на корме... Или на носу...И читаю тебе стихи: «Осень медленно расправит...»

ОН выходит из каморки решительным шагом.

ОН. Продать лопаты? И что у меня останется? Да ты хоть раз поинтересовалась, что это за лопаты?

ОНА. Почему ты никогда со мной не соглашаешься? Ну ни в чем! Абсолютно ни в чем! *(Подходит к зеркалу, смотрится в него)*. Я, между прочим, молодая привлекательная женщина. Видишь? Видишь? *(Срывает зеркало со стены, подносит к его лицу)*. Видишь, что я - молодая и привлекательная?

ОН *(смотрит в зеркало)*. Я вижу старика.

ОНА. Ты всегда видишь не то, что я.

*Вешает зеркало на то место, которое Она выбрала.
Он замечает это, но никак не реагирует.*

Я пришла сюда, а в твоей жизни ничего не изменилось. Ничего! Как ты жил без меня, так и продолжаешь жить!

ОН. Пожалуй, ты уйдешь очень скоро. Очень... Надо успеть тебе рассказать. Это мое открытие может очень помочь тебе в той жизни.

ОНА *(кокетливо)*. Рассказывай, рассказывай. Только запомни: я никуда не уйду. Ты мой ангел, понял? Ангел должен быть добрым и думать о душах тех, кто живет с ним рядом.

ОН. Так. Теперь сядь и слушай. Не спорь - сядь и слушай. Конечно, есть истины, о которых лучше не знать. Но я расскажу тебе для твоего же выздоровления.

ОНА. Я не больна.

ОН. Сядь и слушай.

ОНА. Только запомни: я никуда отсюда не уйду. Мне некуда отсюда идти.

ОН. Сядь! - я тебе сказал.

ОНА. Не ори на меня!

ОН. Сядь!

С несколько обиженным видом Она садится.

Так. Хорошо... Я не ору - просто у меня голос такой. Сиди! *(Уходит в каморку, быстро возвращается с довольно толстой рукописью. Начинает читать, но почти сразу, увлекшись, перестает обращать внимания на листки бумаги, они лежат у него на коленях - ненужные бескрылые птицы)*. Я совершил великое открытие: я расщепил одиночество. Я узнал, что у него внутри. Итак, внутри одиночества оказался страх. Панический страх человека остаться одному. Как ты думаешь: почему пишутся великие книги, на-

чинаются войны или совершаются открытия? А? Не знаешь? Так вот запомни: все, что человек делает, он совершает только для того, чтобы заглушить в себе страх остаться в одиночестве. Представляешь, какая в результате этого рождается энергия внутри людей? Я назвал ее: энергия преодоления одиночества. Чем больше страх остаться одному - тем сокрушительней энергия. Поэтому человек, чувствующий любую собственную ущербность, достигнет куда большего, чем тот, кто считает себя идеалом. Наши писатели, художники, скульпторы, все эти люди творчества - почему они никогда не бывают счастливы? Потому что, где есть счастье - там нет одиночества, и, значит, энергия - ноль. А человек с нулевой энергией не может ничего создать. Это понятно? Понятно?... Вспомни, пожалуйста, чем ты занималась всю жизнь?

ОНА. Не хочу.

ОН (*не обращая на Ее реплику никакого внимания*). Ты делала тоже, что и все остальные: влюблялась, продавалась, искала друзей. Зачем? Ты боялась остаться в одиночестве. Людям постоянно нужно доказывать себя. Себя, понимаешь? Свою уникальность, неповторимость. Человек готов полмира завоевать, готов стать Наполеоном, лишь бы его заметили, лишь бы ему протянули руку ... Но самое интересное знаешь что? Энергия преодоления одиночества направлена на то, чего никогда - значение слова «никогда» понимаешь? - никогда нельзя достичь. Никогда! Благодаря этой энергии можно написать книги, завоевать страны, открыть Бог знает что, но человек всегда умирает один. Утро, день, вечер... Он все страдает, ищет чего-то, мучается, карабкается на то, что ему кажется вершиной, и, наконец, достигнув всего - умирает в одиночестве. Всегда! Уж это я точно знаю. Так. Теперь я подхожу к самому главному: почему я здесь? Я - единственный в мире специалист по одиночеству. Я знаю о нем абсолютно все. Я знаю, что одиночество бывает двух видов: в пустыне и в толпе. Это понятно? Наша жизнь - выбор из двух одиночеств. Я сам выбрал свое. Сам! Понимаешь ты это?! Лучше быть одиноким в пустыне и сознать это, чем одиноким в толпе, и постоянно искать из этого выход. Третьего варианта нет. Я понял это, и я счастлив! Слышишь ты - счастлив! *(Бросает вверх листки рукописи, они медленно опускаются на пол)*. Все.

ОНА. Может, пойдём пройдемся, а то целыми днями дома сидим?

ОН. И ты ничего не поняла. *(Начинает собирать улетевшие листки рукописи)*. Ничего.

ОНА *(подходит к Нему, гладит Его по голове)*. Целую лекцию прочел, объяснил все - бедненький ты мой! А на самом деле все куда проще: просто ты боишься быть обманутым, не хочешь ничего иметь, потому что в этом случае нечего терять.. Тебя, наверное, очень сильно обманывали в той жизни, поэтому ты сюда и пришел?

ОН. Ничего не поняла, ничего...Да не важно, как я сюда попал! Конкретная история не важна, понимаешь? Важно, что я сам - сам! - выбрал эту жизнь.

ОНА. Да понятно, понятно...

ОН (*вдруг неожиданно кричит*). А вы! Вы все! Вы тоже одиноки! Но боитесь в этом признаться! Вы все!

Он замахивается на Нее - вот-вот ударит.

Она смотрит на него спокойно, без страха, даже, пожалуй, чуть свысока.

Он в последний момент опускает руку, начинает метаться по хибарке, бросается в каморку, подбегает к лопатам, зашвыривает яблоки в угол...

Наконец в бессилии ударяет кулаком о стену и застывает.

ОНА. Ну вот видишь: тебе некуда идти. Знаешь, что я тебе скажу? Ты просто ничего не понимаешь в любви. Ангел, а ничего не понимаешь... И в райской жизни ты ничего не понимаешь. Ангел, а ничего не понимаешь... А я тебе все объясню.

ОН. Лекцию читать будешь?

ОНА. Что ты! Лекции ты читаешь, а я предлагаю сыграть спектакль. У нас есть замечательный сюжет про райскую жизнь. Представь, что эта хибарка - вовсе не хибарка, а настоящий рай. Самый настоящий.

ОН. Так уже однажды было.

ОНА. Хорошо. Итак, это рай, а ты - ангел. Вспомни, ведь ты уже играл эту роль, и я поверила тебе. Ну же? Вспомнил? (*Падает на колени*). Умоляю вас: не гоните. В чем мои грехи-то, Господи? В том, что я не проживаю свою судьбу, а играю ее? Не такой уж большой грех, чтобы за него изгонять из рая, мой ангел.

ОН. Все? Могу идти?

ОНА. Лететь? Вы сказали: лететь? Интересно, как вы летаете? На этой мерзкой земле я продавала и душу и тело, неужели я не заработала на место в раю? И чем у вас тут расплачиваются? Золотом? Натурой? А может быть: мыслями? У меня мысли есть замечательные!

ОН. Хватит паясничать!

ОНА (*не обращая на его реплику никакого внимания*). Пойми, мой ангел, все самые умные теории про одиночество не стоят одного взгляда любимой женщины. Оставь меня в раю, ты не представляешь, какая я хорошая. Аккуратная очень. А посуду мыть просто обожаю. Бывает, нет грязной посуды, так я ее специально испачкаю, а потом все мою, мою, мою...

ОН. Мне твой спектакль осточертел.

ОНА. Тише надо говорить. Спокойнее. Ангелы никогда не кричат и не ругаются. Не грустите же, мой ангел. Знаете, что я еще могу? Стихи сочинять. «Осень медленно расправит рыжее крыло. Снова снега налетают, нам опять не повезло».

ОН. У осени зеленые крылья. Это только со стороны кажется, что осень - увядающая. У осени - крылья надежды. Осенью все зябко: и тепло, и свет, и счастье. Но осень-то надеется, что все это будет вечно и не верит в ожидающую ее тьму. У осени зеленые крылья.

ОНА. Здорово: у осени зеленые крылья. Прямо название для романа. *(Неожиданно начинает говорить очень серьезно)*. Мы будем жить с тобой вдвоем. Вдвоем - и больше никого. И наша осень будем все дальше и дальше от нас. И однажды я скажу тебе те самые главные слова, и ты поверишь: только я одна могла их сказать. А по вечерам у нас с тобой будут танцы. Бал для двоих - что может быть прекрасней? Что вообще может быть изумительнее бала?

Звучит музыка.

Она самозабвенно танцует в одиночестве, медленно приближается к Нему, берет за руку).

ОН. В этом доме нет музыки!

Музыка смолкает.

ОНА. Ты!.. Ты!.. Ты - бездарный, скучный, невыносимо скучный. Как же я буду жить с тобой, таким тоскливым?!

ОН. А ты и не будешь.

ОНА. Слушай, а может быть, эта твоя энергия преодоления чего-то там, ударившись о меня, попросту иссякла? Какие такие свои выводы ты хочешь на мне проверить? Какую ты еще правду придумал про одиночество? Про какой еще страх ты говорил? Ты боишься, что я обману тебя - вот и вся твоя правда. *(Вдруг осеклась)*. Извини, я понимаю, что ты не ангел, но зачем же быть дураком?

ОН. Уходи.

ОНА. Я тебя раздражаю. Просто раздражаю, да? что ты молчишь? Можешь хоть что-нибудь внятное ответить? Не можешь... Так, да? Так решил? Хочешь, чтобы я ушла? Просто мечтаешь об этом? Хорошо, хорошо. Поживешь здесь один, забудешь все свои энергии и прочую муру, а когда я вернусь - о, я вернусь непременно, - упадешь передо мной на колени, будешь целовать руки и молить о прощении. Так и знай.

ОН. На кладбище не возвращаются.

ОНА. Успокаивай себя красивыми словами. Дурак, только на кладбище всегда и возвращаются. (*Уходит*).

Он некоторое время сидит молча. Затем медленно обходит свою хибарку, натывается на зеркало, смотрит на свое отражение: долго смотрит, пристально, будто понять хочет: кто-то глядит на него с той стороны.

Идет к своей коллекции лопат, берет одну из них - нежно берет, почти любовно.

ОН (*лопате*). Этой лопатой, отец, я закопал тебя. Помню земля была твердая, как камень. Как я копал! Ох, как я копал! Пот застилал мне глаза, а я все копал, копал, копал... Странная вещь, отец, я почти не помню, что ты мне говорил, не помню твоих слов, даже звук твоего голоса стал забывать, но помню: свет. Надежный такой, не поддающийся никакой тьме - свет. Удивительное ощущение света. Осталось в памяти о тех годах, когда был жив отец: в жизни был свет... А она говорит: продай коллекцию...

Входит ОНА.

ОНА. Ты не думай: я не вернулась. Просто тут... что-то я тут забыла... Что ж я забыла? Зеркало! Правильно. Это ведь мое зеркало? Ты мне его подарил - значит, оно мое, и, значит, я могу его забрать.

ОН. Ты вернулась только за этим?

ОНА. В рай ни с чем приходят, и ни с чем из него надо уходить... Вот разве - зеркало, на память.

ОН. Ты зачем вернулась?

ОНА. Но ведь ты никогда не попросишь меня остаться?

Он посмотрел на Нее, не нашелся, что ответить - промолчал.

Она подошла к зеркалу, посмотрелась в него и вдруг, словно обращаясь к своему отражению, запела:

*Осень медленно расправит
Рыжее крыло.
Снова снега налетают -
Нам опять не повезло.*

*По тропинке, по дорожке
Между «да» и «нет»
Сам отыщешь, мой хороший,
Правильный ответ.*

*Упадешь - и сразу таешь,
Сам не разберешь:*

То ли по земле летаешь,
То ли по небу ползешь.

То ли синяя дорога,
То ли серые дома,
То ли добрая тревога,
То ли скорая зима
Нас сведут с тобой с ума.

Осень медленно расправит
Рыжее крыло.
Вот и снега налетают -
Нам опять не повезло.*

И Он вдруг понял, что смотрит на нее, не отрываясь, и Она это заметила. Повернула зеркало от себя - к Нему будто солнечный зайчик пускала и улыбнулась.

Тут раздался стук в дверь.

Она и Он замерли.

Дверь нерешительно открылась, вошел ТРЕТИЙ.

ТРЕТИЙ. Добрый вечер. Извините, но я еще жив. А вы? Вот решил посмотреть, несмотря на запрет. Впрочем, если я не вовремя, могу подождать еще.

ОН. Нет.

ОНА. Да.

ТРЕТИЙ. Не совсем ясно. У вас тут, наверное, какой-то специальный язык выработался. Так вот: я его не понимаю. Будем объяснять или как?

ОНА. Нет.

ОН. Да.

ТРЕТИЙ. Ребят, мы так не договоримся. (*Подходит к Ней*). Ну вот что. Хватит. Чувствую, что атмосфера здесь накалилась до такой степени, что тебе пора уходить. И не спорь со мной. Я ведь люблю тебя и чувствую, когда тебе плохо. Все. Хватит трепаться. Бери вещи - пошли... Впрочем, какие у тебя вещи?

ОНА (*растерянно*). Зеркало.

ТРЕТИЙ. Новое купим. Пойдем. (*Ему*). Насколько я понимаю: возражать вы не станете?

ОНА. Да он только об этом и мечтает.

ТРЕТИЙ. А чего такое? Не просек чего-то ты в ней самого главного? Ну и ладненько. Извини, но я чувствую, что ей у тебя плохо, старик.

ОН. Откуда вы знаете, что я - старик? Я сам, например, в этом не уверен, потому что возраст - он ведь...

ТРЕТИЙ. Хоре философии разводить, не надо этого как раз! Когда мне за жизнь захочется потрепаться - я непременно приду именно сюда. Потому как где еще и говорить за жизнь, как не на кладбище? Правильно? Правильно. Только вот сегодня нет у меня такого желания. *(Ей)*. Сегодня мне как раз очень хочется тебя отсюда увести. *(Берет Ее за руку)*

ОНА. Мне больно.

ТРЕТИЙ. Подсчитай, сколько времени я тебя жду. Вначале эта смерть твоя бутафорская...

ОНА. Мало того, что у меня жизнь ненастоящая - так у меня еще и смерть бутафорская...

ТРЕТИЙ. Здорово ты научилась разговаривать! Вы, наверное, здесь так целыми днями сидели и трепались... Это у вас и называлось «райская жизнь»? Что-то я не о том, не о том... Ты меня сбила с какой-то блестящей мысли...

ОН. Вы хотели подсчитать, сколько времени вы ее ждете.

ТРЕТИЙ. Гляди-ка, старик, а без склероза. *(Ей)*. Правильно он говорит: подсчитай. Не день, между прочим, не два, и не месяц. Жду. И никуда не деваюсь.

ОНА *(Третьему)*. Но почему ты уверен, что я приду именно к тебе? Ведь мы расстались в той, прошлой жизни?

ТРЕТИЙ. Назови ее - будущей, и все будет в порядке.

Она удивленно смотрит на Третьего.

ОН. Он прав: будущее, прошлое - разницы нет.

ОНА *(вырывает руку)*. Я же сказала: мне больно. Куда ты меня зовешь? Куда нужно идти? Что мне в той жизни, где прошлое и будущее вполне можно поменять местами и никто этого не заметит?

ТРЕТИЙ. Слушай, надоели так эти красивые слова... Пойдем, там посидим. Поговорим...

ОНА*(Ему)*. Хочешь, чтобы я ушла в тот мир, где нет ни минут, ни часов, ни прошлого, и ни будущего - одни, ничего не значащие людские имена? Хочешь, чтобы я ушла из этого, пусть придуманного, но моего рая?

Он смотрит на Нее долго и пристально.

Ничего не отвечает, отворачивается.

ТРЕТИЙ. Ребята, наш разговор явно затянулся. Пусть это рай - хорошо, поверим. Но в раю не живут, а парят. Летают. Порхают. Хочешь жить - жить по-настоящему, идем со мной. *(Зло)*. А здесь ты подохнешь со скуки. Подохнешь уже по-настоящему.

ОНА. Почему ты так уверен, что можешь сделать меня, если не счастливой, то, во всяком случае - веселой?

ТРЕТИЙ. Я уверен только в одном: я тебя люблю и никто больше мне не нужен. Ты думаешь, я не знаю, как надо в любви? Ты любишь человека, но если ты хочешь, чтобы он был с тобой - надо постоянно делать вид, что проживешь без него. Но я не хочу делать вид, что проживу без тебя! Не хочу играть эту роль! Я буду ждать тебя все равно. Месяцы - так месяцы. Годы - так годы. Понадобится - могу и века... Тьфу! Атмосфера здесь какая-то дурная: начинаю говорить красиво.

ОНА *(подходит к Третьему, ласково гладит его по щеке)*. Ты - очень хороший, ты просто замечательный, правда... Мне почему-то легче жить, когда я знаю, что ты меня ждешь. *(Подходит к Нему)*.

Он сидит на подоконнике. Смотрит на свое озеро.

(Садится и смотрит на Него снизу вверх). А ты - мой ангел. Мой грустный, мой несчастный ангел, придумывающий всякие красивые теории, потому что и ангелам трудно в одиночку.

ТРЕТИЙ. Ну чего, ребят, опять, что ли, ждать?

ОН*(Ей; резко)*. Уходи отсюда!

ТРЕТИЙ. Не понял, старик! Она, значит, тебе всякие слова говорит красивые и хорошие, а ты ей - пошла вон! Старик, так с ней никто не будет общаться, понял меня?!

ОН. Уходи! Уходите оба!

ТРЕТИЙ. Слушай ты, прибрежный старик, один раз повысишь на нее голос - потом всю жизнь будешь шепотом разговаривать. Понял меня? Ты хоть понимаешь, кого гонишь? Ты хоть знаешь, кто эта женщина? Ты, старый зарыватель трупов, хоть понял, кто она такая.

ОН. А может быть, ты понял, кто я? *(Ей)*. Или, может быть, ты поняла?

ОНА. Ты - одинокий человек. И этого вполне достаточно.

ОН. Нет, не то. Совсем не то. Как бы вам объяснить попонятнее? Я - оживляльщик.

ТРЕТИЙ. Чего сказал?

ОН (*говорит обращаясь к Ней, словно не видя Третьего*). Думаешь, ты первая заснула этим странным сном? Думаешь, любовь и смерть, о которых я тебе говорил, никто больше не сталкивались? Думаешь, ты первая пришла сюда этой странной дорогой? Ты что всерьез решила, будто ты - единственная. Да знаешь сколько здесь до тебя перебивала всяких... Ты - одна из многих! Артистка... *(Смеется)*.

ОНА. Одна из многих?

ОН. Эти лопаты хранят память о моих близких... А еще они помнят тех, кто здесь был до тебя. Близких у меня было очень мало - отец да брат, а лопат- видишь сколько?!

ТРЕТИЙ. Оживляльщик... Даже слова такого нет... Оживляльщик... Тебя бы кто оживил...

ОНА. Очередная? Одна из многих? Господи, везде одно и тоже!

ОН. Каждая из вас думала, будто она - единственная. А единственный тут я. Все понятно вам? Теперь можете уходить. Оба.

ОНА *Третьему*). Пойдем отсюда, пойдем... Я.... Я... Я люблю тебя...

ОН. Вот и сказала слова. Вот и хорошо...

ТРЕТИЙ. При чем тут слова, старикан? Ты так ничего и не понял. Жалко тебя, несчастный ты какой-то... *(Вынимает из бумажника и кладет на стол деньги)*. На. купишь себе... лопат...

Она и Третий уходят.

Он посмотрел им вслед, потом пошел по хибарке, руки нервно что-то делали, перекладывали вещи с места на место.

Он взял деньги, зажег спичку, смотрел, как горит спичка... Когда она погасла, взял деньги и положил в карман.

Подошел к коллекции, взял лопату.

ОН. Она умерла от того, что не могла полюбить... Как она говорила? «Зачем жить, если полюбить не можешь»? *(ставит лопату на место)*. «Мы будем жить с тобой мой ангел, мы будем жить так, как нам хочется, и у нас будут дети такие, как нам хочется... *(Взял зеркало, посмотрел в него)*. У осени - рыжие крылья, рыжие - и никакие иные. *(Отшвырнул зеркало в сторону, раздался звон стекла)*. А может быть, и не было никого? Мираж... Сон... Пустота... Мираж... Сон...

За окном - карканье ворон...

О! Вороны вернулись, значит, больше не обижаются... Вот и хорошо... Вот и славно... Что мы сами не проживем? Проживем еще как! Не было ничего... Ничего не было... Сон... Мираж... Пустота... Мне хорошо, хорошо мне... Сон... *(Отходит в глубь дома и начинает вбивать гвозди в стену, вбива-*

ет лихо, профессионально - так могильщики, с ходу, с одного удара вбивают гвозди, заколачивая гроб).

К о н е ц